

Март 2010

С.С. Кутателадзе

НАУКА НА ПЕРЕПУТЬЕ

НОВОСИБИРСК

УДК 51

Дата поступления 9 марта 2010 г.

Кутателадзе С. С.

НАУКА НА ПЕРЕПУТЬЕ. — Новосибирск, 2010. — 14 с. — (Препринт / РАН. Сиб. отд-ние. Ин-т математики; № 240).

О некоторых кризисных явлениях в науке в России.

Kutateladze S. S.

SCIENCE AT A CROSSROAD.

About some traits of the crisis of science in Russia.

АДРЕС АВТОРА:

Институт математики им. С. Л. Соболева СО РАН,
пр. Академика Коптюга, 4. 630090 Новосибирск, Россия;
E-MAIL ADDRESS: sskut@math.nsc.ru

© Кутателадзе С. С., 2010
© Институт математики
им. С. Л. Соболева СО РАН, 2010

НАУКА НА ПЕРЕПУТЬЕ

1. УЧЕНЫЕ И ЧИНОВНИКИ

Группа физиков выступила со статьей «Модернизация: Организация науки» в газете «Ведомости» от 4 февраля 2010 г.

Авторы пишут:

Наука в России находится в катастрофическом состоянии и с каждым днем деградирует все сильнее. Помимо хронического недофинансирования в этом повинна организация науки, при которой даже те скромные средства, которые выделяются обществом «на науку», используются неэффективно, а порой коррупционно. Без привлечения к управлению по делам науки активно работающих ученых мирового уровня, имеющих авторитет в научном мире, и самого широкого использования для непредвзятой научной экспертизы иностранных ученых, как это делается сегодня во всех развитых странах, любые реформы и финансирование будут неэффективны, а общество и власти не будут доверять своим ученым.

Констатирующая часть этого суждения представляется абсолютно верной. Нельзя не подписаться под всеми соображениями авторов о неприемлемости как барьеров в международном сотрудничестве и нострификации дипломов, так и чиновничьего произвола, администрирования, разбазаривания ресурсов и средств и т. п.

Чтобы понять структуру второй части заключения статьи, несколько упростим ее: «Если нет привлечения ученых и экспертизы, то любые реформы неэффективны». Иначе говоря, чтобы какие-либо реформы были эффективны, должны быть привлечение ученых и экспертиза. Авторы формулируют необходимое условие эффективности каких-либо реформ. На самом деле, и авторов и научное сообщество не особо интересуют необходимые условия нормального функционирования науки — их немало. Нас интересует хотя бы одно достаточное условие, гарантирующее прекращение деградации науки и образования в России.

Такое гипотетически достаточное условие авторами сформулировано следующим образом:

Прекратить бессмысленное (а порой осмысленно корыстное) расходование государственных денег может только одно: политику в области науки, технологии и образования должны формировать и проводить в жизнь не чиновники, а сами ученые и технологи, доказавшие свою продуктивность и пользующиеся авторитетом в мировом научном сообществе.

Термин «научная политика» авторами не определен. Политика в широком понимании — это сфера общественной жизни, связанная с различными аспектами власти как общественного регулятора. В более узком смысле под политикой понимают технологию достижения планируемых результатов. Основные задачи науки с властью никак не связаны — наука существует прежде всего как система знаний и представлений и только во вторую очередь как соответствующий общественный механизм. Основные задачи науки от политики независимы. Наука есть важнейший институт сохранения человеческого вида путем передачи приобретенных навыков и знаний. Человек преодолевает свою биологическую ограниченность, передавая знания ушедших потомкам. Политика реализует сиюминутные властные интересы, а наука делает человека бессмертным, сохраняя опыт предков для будущих поколений. Необходимо эти сферы организации человеческого сообщества строго разделять, ибо их смешение для науки губительно.

В статье постоянно звучит один и тот же мотив — чиновникам противопоставляются не все ученые, а «экспертное сообщество, состоящее из признанных ученых с мировым именем». «Признанные ученые» и «ученые с мировым именем» — это лексикон чиновничий. Наука оперирует законами Ньютона или теоремой Пифагора, сохраняя память об интеллектуальном вкладе наших великих предков в названиях их открытий. Сочетания «всемирно признанный Ом» или «ученый с мировым именем Евклид» науке совершенно чужды.

Всем знакома история Гриши Перельмана. Никакие советы и академии, составленные из признанных ученых с мировой репутацией, не могли ответить на вопрос Пуанкаре. Никакая научная политика тут не помогала. На вопрос Пуанкаре ответил внутренне свободный человек, которому не мешали эксперты до той поры, пока он не заинтересовал начальство. Итогом научной политики экспертного сообщества в этом случае стал грустный факт — Перельман заплатил за свободу творчества и вклад в науку, нужный человечеству, увольнением «по собственному желанию» из академического учреждения. Видение науки и научной политики Перельманом оказалось ортогональным мнению людей с высокими индексами цитирования и Хирша. Эти индексы у Перельмана по сию пору ничтожны и, что самое главное, ни ему, ни научному сообществу совершенно не нужны для оценки его сочинений. Говорят, что Перельман — исключение и сам виноват в своих бедах. Конечно, исключение. Но он в этом качестве не одинок — каждый ученый исключителен, пока ученым остается. Индекс Хирша ученого исключительности лишает.

Заявление любых начальников и экспертов о том, что Перельман виновник своего увольнения — суждение, достойное городничего с его унтер-офицерской вдовой. Случай с Перельманом — наиболее тривиальный и общеизвестный контрпример к гипотезе авторов статьи о том, что какой-либо академический ареопаг или совет научной элиты обладает особыми правами или возможностями в определении научной политики.

Свойство быть экспертом — функция времени. Неполно и иллюзорно универсальное суждение о том, что ученый с мировой репутацией и высоким импакт-фактором — лучший специалист сегодняшнего дня. Сложный научный вопрос задают не академику, и не директору, и не автору статей с высоким индексом цитирования, а тому, кто сейчас этот вопрос понимает и знает. Каждый серьезный ученый в своей области знает, у кого что можно спросить или как узнать того, у кого надо спросить. Никто

ни в академический справочник, ни в базу Томпсон-Рейтерс, ни в Российскую базу научного цитирования при этом никогда не заглядывает. Здоровье науки состоит в эффективном функционировании именно этого многовекового неформального, но исключительно надежного механизма саморегуляции науки.

Администрирование в науке всегда вредно. Любое администрирование функцию саморегуляции нарушает. Авторы напрасно предлагают введение новых механизмов такого рода, построенных по правительственному шаблону. Стоит подчеркнуть, что выпячивание своих собственных рейтингов и индексов Хирша — вещь чиновничья, связанная с самолюбованием, подгребанием к мейнстриму и реверансами, чуждыми науке. Наука связана с неудачами. Потому ученый по убеждениям скромнен, понимая мизерность собственных индивидуальных возможностей по сравнению с величиим духа человеческой популяции.

Ученые советы, редколлегии, академии, голосования и выборы — вещи сами по себе неплохие, но все они несут опасности разрушения науки, так как связаны с ненаучными процедурами принятия решений. Наука демократии не служит, как не служит политике и справедливости. Авторитет науки и ее единственный приоритет — истина. Сохранение, поиск и передача найденных истин — главная задача науки. Никакие вненаучные институты организации человеческой жизни истине не служат. Власть, чиновничество и истина — предметы несовместные.

Те ученые советы, те директора и другие начальники пошибче и пожиже, те редколлегии и академии, которые осознают свои латентные разрушительные функции в науке, могут и нередко оказывают пользу науке. Те, кто не сознает пропасти отчуждения между властью и наукой, полагая, что могут наукой управлять и задавать какие-то научные стандарты, приносят науке непоправимый вред. Ротация выборных чиновников — вещь разумная. Ротация экспертов, предлагаемая в статье, — маниловщина, если не глупость. Так недалеко и договориться до ротации академиков и профессоров. Да и Перельмана давно пора ротировать.

Авторы из вежливости не говорят о дефектах Российской академии наук, которую в мнении общественности как раз и составляют или должны составлять «ученые и технологи, доказавшие свою продуктивность и пользующиеся авторитетом в мировом научном сообществе». Между тем Российская академия наук — важнейший механизм саморегуляции отечественной науки. Работает он неважно, но совершенствование его в руках ученых.

Ученые России имеют право надеяться на разум здравых сил Российской академии наук, на ее способность противостоять деградации. Для этого есть известные основания и надежда на то, что метод стволовых клеток поможет шагреневой коже мудрости и мужества. Передача властям каких-либо функций саморегуляции науки — вещь совершенно недопустимая. Чиновники и ученые — сословия разные.

2. ПРОФАНАЦИЯ И АЛЬТЕРНАТИВЫ

События на декабрьском Общем собрании РАН не оставили людей равнодушными. Критика книги А. Д. Некипелова, статья Э. П. Круглякова, выступление В. Е. Захарова, произнесенная речь В. А. Васильева противопоставлены хлестаковщине, верхоглядству, беспринципности и панегирикам лженауке. Стали фактами общественной жизни инвективы Б. В. Грызлова в адрес РАН, вызвавшие в России всплеск симпатий к ученым.

Группа петербургских профессоров-экономистов обратилась недавно в Президиум РАН с просьбой «принять меры по защите чести и достоинства российского научного сообщества» с упоминанием «организованной рядом средств информации травли». С резкими заявлениями в печати выступили вице-президент РАН А. Д. Некипелов и ряд его коллег-экономистов.

Президиум РАН занялся чисткой мундиров — 4 февраля 2010 г. принято постановление «О научной экспертизе монографии академика Некипелова А. Д.». Читаем:

Научная экспертиза публикаций... со всей очевидностью показала, что содержащиеся в них обвинения в масштабном заимствовании и плагиате, отсутствии в работе оригинального содержания не имеют под собой никаких оснований.

Пафос и праведный гнев формулировок затрудняют неопытному читателю понимание беспрецедентности названного постановления Президиума РАН. Между тем это постановление выходит за рамки академических традиций и немало нарушает общепринятые принципы науки.

Вопросы истины не решаются ни сбором мнений, ни постановлениями. Нельзя считать научными суждения, принятые голосованием, независимо от их объективного содержания. Нельзя голосованиями устанавливать наличие или отсутствие оснований для критики. Наука не занимается оценкой мнений и не подтверждает или опровергает мнения и суждения постановлениями, сбором подписей и подсчетом голосов. Президиум своим постановлением принципы науки профанирует.

Создать комиссию по поводу обращений прессы было правильно, опубликовать мнение этой комиссии правильно. Даже свое мнение в поддержку коллеги высказать не возбраняется. Президиум РАН, оставаясь в беспристрастных академических рамках, мог бы принять к сведению заключение комиссии и довести его до заинтересованных лиц и публики. Однако принимать формальное постановление о наличии или отсутствии оснований для критики — метод чиновничий, а не научный.

Поразительно, что само постановление и экспертное заключение сформулированы неаккуратно как элементарный логический курьез. Любому непредвзятому наблюдателю ясно, что основанием критики А. Д. Некипелова служит его конкретная книга — таков совершенно объективный и бесспорный факт. Именно это основание используют в своих аргументах как критики А. Д. Некипелова, так и его проponentы, критику отвергающие. Тем не менее, по заключению комиссии, составленной из числа коллег А. Д. Некипелова по РАН, обвинения в его адрес «не имеют под собой никаких оснований». Своим постановлением Президиум присоединяется к эмоциональному суждению, отрицающему объективное основание критики — сочинение А. Д. Некипелова. Оспаривать очевидный факт, заявлять об его отсутствии и закреплять это официальным постановлением, принятым голосованием, — нонсенс в пределах науки. Честь мундиров защиты заслуживает, но средства при этом допустимы далеко не любые. Теперь научная общественность вправе ждать постановления Президиума РАН о шутках С. М. Алдошина.

Почему так негодуют А. Д. Некипелов и ряд его академических проponentов? Потому что они задеты и задеты сильно. А собственно чем? Что такое случилось? Ну, появилась пара публикаций в прессе и в сети, атакующие книгу А. Д. Некипелова. Ну, название маячит низкопробное «накипь и ржавчина в науке». И что? Почему именно эти околонукальные события вызвали ярость, открытые и закрытые письма, коллективные и индивидуальные рецензии и суждения академиков-экономистов?

Причем из академических сочинений видно, что для защитников А. Д. Некипелова все претензии к нему абсолютно ни на чем не основаны, а авторы этих претензий — не слишком компетентные малопорядочные люди. Давно найдены и закреплены в поговорках веские основания игнорировать необоснованные суждения несерьезных людей. Вопреки этому страсти накалены нешуточные.

Пропоненты пишут о травле и диффамации, морализируют и дают уроки журналистам и публике, апеллируя к газетным расправам советской эпохи. Диффамация — хитрое словцо, имеющее особые юридические оттенки. Хорошо известно классическое толкование: диффамация — это «клеветническое опозоривание», а клевета — предмет уголовного права. Дело дошло до просьбы к начальству о защите «чести и достоинства российского научного сообщества». Куда уж дальше — следующая остановка «Развитой социализм». Уму непостижимо, где в наше время экономисты нашли грабли с советским знаком качества. Вроде не археологи...

С чего вдруг такая бурная и явно неадекватная реакция? Если пролаяла моська на одного из слонов, так что же другие-то разбушевались? На слонов не похоже. Чтобы разобраться, обратимся к первоисточнику — к книге А. Д. Некипелова «Становление и функционирование экономических институтов: от „робинзонады“ до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве» (М.: Изд. «Экономистъ», 2006).

По объявленному замаху и замыслу — сочинение явно нерядовое: в аннотации книги отмечено:

В монографии предложен новый подход к построению общей экономической теории. Авторскую концепцию отличает методологическая проработанность и последовательность, опора на известные фундаментальные разработки, богатый математический инструментарий.

Поступательное движение от индивида, стремящегося к удовлетворению своих потребностей и производящего блага для этой цели, появление новых индивидов с теми же задачами приводит к естественному возникновению и усложнению хозяйственной и социальной среды, формированию и развитию адекватных институтов. В итоге складывается логически стройная, непротиворечивая картина возникновения и функционирования на микро- и макроуровне экономической системы и, шире, общества в целом.

Заключение книги существенно более скромно:

Внимательный читатель не мог не заметить, что в этой книге, посвященной становлению и функционированию экономических институтов, нигде не было в явном виде сформулировано понимание, вкладываемое автором в это понятие.

Итак, речь идет о книге, посвященной новому авторскому подходу к предмету, авторское понимание которого, по мнению автора, нигде не выражено явно. Таковы оценки самого А. Д. Некипелова. Прочтение книги оснований оспаривать это суждение не дает.

Книга представляет собой довольно рядовой обзор некоторых базовых и классических, если не старомодных, экономических воззрений и их весьма элементарных отражений в математическом аппарате. Как учебник или обзор книга слабовата, так как не сокращает путь читателя к современному уровню мировой экономической

науки. Предложение нового подхода к общей экономической теории должно включать обзор современного состояния предмета, изложение конкурирующих подходов, соответствующее литературное обозрение и необходимые аппаратные средства типа индексов. Эти вещи в книге на уровне более чем зачаточном, что никак не помогает читателю в освоении современной системы взглядов и математического аппарата экономики наших дней.

Книга А. Д. Некипелова не шедевр научной литературы, не учебник, а проходное сочинение, излагающее некоторые взгляды, познания и воззрения автора. Что-то восхитительно привлекательное вроде парадоксальных мыслей и наблюдений, задевающих ум и душу, в ней заметить трудно. Впрочем, не бросается в глаза и нечто вопиюще отталкивающее в виде признаков плагиата, лженауки или иного в этом роде.

Ряд пропонентов книги А. Д. Некипелова удивляются, почему негативные рецензии на нее в прессе появились только в прошлом году. Кое-кто из ведущих экономистов страны прямо заявил, что книгу А. Д. Некипелова не читал вовсе. Прочитавшему эту книгу легко согласиться с теми, кто считает, что через пару лет после публикации сочинение такого уровня можно было бы и не рецензировать вовсе. И уж совсем ни к чему разворачивать баталии в защиту этой книги и ее автора от тех, кто ее прочитал и не сомлел.

В массе своей отечественные экономисты от прочей публики обостренной чувствительностью к нападениям на коллег в советские времена особо не отличались. Про гадости обычно молчали в партбилет, но бывало бросались с лаем на других, и кусались больно, и газетными статьями баловались, а если и защищали что рьяно и с любовью, то чаще всего линию партии и чистоту и неприкасаемость марксизма.

Конечно, времена изменились и нынешние экономисты не чета своим предшественникам в вопросах конформизма и этических норм. Теперь-то все по-другому. Экономисты блюдут законы чести, служат только истине, плывут в мейнстриме, если не на адмиральском корабле мировой науки. Перед режимом не прогибаются и денежным мешкам не подпевают. Нынешние экономисты России носят безупречно чистые одежды, кто бы сомневался. Однако именно нынешнее поколение экономистов России отвечает за сделанное их предшественниками и за теперешнее состояние и экономической науки и экономики. По профессиональному долгу прежде всего. Математики больше в ответе за математику, физики за физику, а журналисты за журналистику. Так уж повелось. Может быть, в этом нет большой справедливости, но нет ее и выше. Люди сами вносят и выносят справедливость, уж как получится.

Часть экономической элиты оказалась чрезмерно чувствительной к мелким занозам, сделав их поводом гневных филиппик и назидательного морализаторства. Расцвету экономической мысли в России и уважению к ее элите такая реактивность вряд ли послужит. Неадекватность оценок и острота гнева настораживают и печалют, свидетельствуя крайнюю деградацию большого фрагмента научного сообщества России. Публикации в прессе по поводу книги А. Д. Некипелова, какими-бы малоудачными они ни были, ничего общего с травлей не имеют. Пресса не требует защитить общество от тех или иных экономистов и этой сдержанностью от последних сильно отличается. Нельзя допустить и намека на возрождение позорной практики коллективных дифирамбов, социального ostrакизма и почтительных призывов к начальству принять меры по защите общественности от публикации неприятных

кому-то суждений. Клевета — преступление в любом цивилизованном обществе. Квалификация преступлений — прерогатива судов, а не академий. Любые прямые или косвенные призывы ограничить свободу слова во внесудебном порядке — атака на наши общие конституционные права. Прискорбно, что в этом малодостойном занятии участвуют представители научной элиты страны.

В. Е. Захаров квалифицировал Президиум РАН словами «вялый и безынициативный». Его высказывания также вызвали известное неудовольствие членов Президиума РАН. *Amicus Zakharov, sed magis amica veritas*. Некоторые члены Президиума действуют более чем энергично и инициативно. Диссипация этой энергии проявилась в шумных скандалах, дискредитирующих как членов Российской академии наук, так по транзитивности и всю российскую науку.

Руководству Академии и ее членам пристало остро ощущать с кем люди науки, с кем читающая и мыслящая аудитория России. Нельзя трехсотлетний оплот науки и просвещения России позорить. Пока корабль на плаву, да на мостике полное смятение и паника вахтенных, открывающих кингстоны в надежде на скорый конец. Российской академии наук альтернативы нет, а конформизму, глупости, беспринципности и профанации науки — есть.

3. С ЧЕГО ЖЕ НАМ НАЧАТЬ?

Российская наука в ожидании перемен. Признаки развивающегося кризиса налицо — открытые письма групп ученых в прессе, нелюбезные, если не скандальные, дискуссии в прямом эфире, острые высказывания высших должностных лиц страны о проблемах науки и образования, создание нового правительственного департамента науки, высоких технологий и образования, натянутый нерв столкновений мнений как на Общем собрании РАН, так и в кофейно-чайных дискуссиях в научных учреждениях.

Одно из недавних сочинений такого рода — статья «Реформа науки: с чего начать» в газете «Ведомости» от 18 февраля 2010 г., написанная большой группой наших соотечественников, работающих за пределами России.

Обсуждение проблем функционирования науки в России группируется вокруг двух тем — финансирование науки и ее организация. К проблемам финансирования прилегают такие вопросы, как грантовая система, вхождение в международный рынок труда, экспертиза, ПРНД, импакт-факторы, индексы Хирша и другие числовые показатели. Проблемы организации включают предложения о новых механизмах научной политики типа советов при Правительстве или Президенте Российской Федерации, федеральных центров, составление списков экспертов, поиск альтернатив теперешней особой роли Российской академии наук.

Именно вокруг места РАН в современной России ведутся сейчас особенно острые баталии. Высказан весь возможный спектр мнений — от РАН нет альтернативы, до РАН — замшелый советский паноптикум (тут подобран приличный эвфемизм для терминов олбацкого языка многих блогов). В современных дискуссиях о науке в России несколько важных моментов остаются недостаточно эксплицированными. Стоит остановиться на них хотя бы тезисно.

Наука в центре культуры. Закат науки в России — неизбежная часть деградации культуры в стране. Наука и просвещение, академия и школа — вещи нераздельные. В светских школах России физика перестала быть обязательным предметом, а на

свободное место в учебных планах претендуют основы умения правильно молиться. Играм с импакт-факторами и индексами цитирования тут делу не поможешь. Православная традиция — неотъемлемая часть русской культуры, а клерикализация общественной жизни — шаг в средневековье, удар по науке и просвещению.

Наука и православие в России — институты привозные. Наука появилась в России вместе с Академией наук спустя сотни лет после утверждения православия на Руси. Здание Священного Синода на Сенатской площади и здание Академии наук на другом берегу Невы — символы разных сторон общественной и культурной жизни России.

Петр видел в Академии наук важнейший инструмент модернизации. Петербургская Академия наук возникла из приглашенных иностранных ученых в точности по образцу рекомендуемых нам теперь федеральных научных центров. Многие из приезжих ученых обрусели, многие внесли выдающийся вклад в развитие науки в России. Ярчайший пример — Леонард Эйлер, от которого мы отсчитываем становление российской математической традиции.

В то же время мы никогда не должны забывать, что наука стала элементом российской культуры и подлинным двигателем модернизации благодаря Ломоносову. Его усилия по созданию механизмов самовоспроизведения науки были поддержаны правящей элитой России и стали основой прогресса и обновления страны.

Российские институты науки и просвещения, поддержание российских духовных традиций, поиск и воспитание собственных Невтонов — вот что завещали нам предки. Полезно помнить, что после смерти Эйлера математика в России зачахла на десятки лет, так как идеи и труды Эйлера оставались фактически вне пределов русской культуры. Не пристало забывать об опыте наших великих предшественников, строя новые планы реформирования науки.

Православные традиции — неотъемлемая часть русской культуры. Однако во все времена основой модернизации России были наука и просвещение. Российская академия наук — отечественный институт, столь же уникальный, как и вся культура нашей страны. Нельзя это забывать, увлекаясь взглядами на другие страны, пришедшие в современность совсем другими путями.

Российской академии наук нет альтернативы в России. Прожекты по ее тихому изжитию — варварское покушение на храм отечественной культуры. Другое дело, что Академия наук сегодня, и вчера, и сто лет назад — институты разные. В прессе и суждениях людей помоложе мы встречаем обвинения нынешней Академии наук в «советскости». Полезно развеять эту наркотическую иллюзию. Российская академия наук дня сегодняшнего в той же мере не совпадает с Академией наук СССР, в какой Российская Федерация не совпадает с Советским Союзом. Мусолить тему ликвидации пережитков «советизма» или «совковости» в РАН занятие может быть и хлебное, да бесполезное. Академия наук наших дней — это не Академия наук времен Ломоносова и не Академия наук времен Келдыша. Доказательство в математике для этого есть самое короткое и полное: «Очевидно».

Дискуссии вокруг науки в России стыдливо обходят животрепещущую тему денег, которые ученые получают на руки для себя и своей семьи. Более уместными и приличными считаются макроэкономические и политические разговоры об объеме финансирования науки и роли Российской академии наук. О собственных финансах говорить публично не принято. Однако профессиональные психоаналитики давно

уже поняли, что проблемы надо не замалчивать, а обсуждать. Несколько соображений о деликатной теме денежного довольствия ученого стоит высказать без лишних экивоков.

Важная особенность российской науки — различные степени социальной защищенности членов РАН и остальных работников науки. Члены академии преклонного возраста переходят на должности советников с прежним окладом и сохраняют пожизненные выплаты за звание члена академии. У прочей публики такие привилегии фактически отсутствуют. Пенсия профессора или доцента не отличается от средней пенсии в стране. Понятно, что это обстоятельство затрудняет пожилым ученым не только выход на пенсию, но и приличествующее возрасту сокращение круга собственных обязанностей.

У денег много функций. Одна из них — защита личной независимости. Государственная пенсия и выплата за звание — вещи разной природы. Пенсия есть или будет в России практически у каждого, а пожизненный пенсион за звание — особая привилегия членов государственных академий наук. Принято говорить об отсутствии такого пенсион в других странах и прежде всего в США. При этом уровень наших лучших академиков, представителей естественных наук, часто сравнивают с заслугами лауреатов наиболее престижных премий. Эти сравнения далеко не бессмысленны, но не всегда учитывают специфику России.

Необходимо подчеркнуть важную особенность современных престижных премий — они весьма значительны. Общеизвестно, что материальное вознаграждение способствует независимости человека и свободе его творчества. Это обстоятельство люди использовали веками. Премии важны и в России, однако нужно понимать разницу между разовой выплатой, скажем, Нобелевской премии и пожизненным пенсионом. Если посчитать средние выплаты за звание, причитающиеся академику в течение его жизни, то они часто будут сопоставимы с крупной международной премией.

Академический пенсион в России и премии на Западе имеют общие функции. При этом нельзя забывать, что монетарная политика России в последние сто лет имела мало общего с монетарной политикой остального мира и в особенности США. Адаптированный ко времени пожизненный пенсион в России от финансового реформаторства и прочих общественных потрясений зависит существенно меньше, чем накопления в Сбербанке от времен Сталинской или Ленинской премий. Выплаты за звание доказали, что в условиях России они надежнее, чем любая разовая премия гарантируют дополнительную толику свободы и независимости ученого.

Следует напомнить, что выплата за прошлые заслуги в России положены не только членам академий, но и всем кандидатам и докторам наук. Правда, последним они платятся не пожизненно, что не без оснований можно считать не вполне справедливым и социально обоснованным. Ученые степени и звания от кандидата до академика вводятся проверенными веками механизмами саморегуляции науки. Какие бы недостатки в этих процедурах мы не видели, защита диссертации и избрание в академию — объективные достижения ученого, не менее значимые, чем любые числовые индексы его публикаций.

Государственная пенсия и академический пенсион имеют разные социальные функции. Нельзя превращать научные учреждения и учебные заведения в богадельни и дома ветеранов ровно так же, как нельзя дискриминировать людей по полу, возрасту или мировоззрению. Надо покончить с сегрегацией внутри науки. Институт советников следует процедурно конкретизировать и распространить на всех ученых через

классические механизмы саморегуляции науки — выборы и ученые советы. Надбавки за ученые степени и звания для всех их обладателей должны выплачиваться в общем порядке без исключений, то есть либо как бонус к должностному окладу по месту работы, либо как пожизненный пенсион. Можно предусмотреть необходимые различия в этих выплатах для штатных ученых, ученых в ранге советников и ученых на пенсии.

Чего нельзя делать — так это отказываться от опыта предков, не учитывать традиции России, принимать решения на дискриминационной основе, стричь всех под один индекс Хирша и поддерживать социальные диспропорции, не востребованные и не понятые обществом. Финансам ученых нужны не снисходительность, меценатство и благоволение начальства, а точные процедуры закона.

Академики в компании проходимцев, клерикалов и мистиков, академические публикации по подвижным балансам сущего и герменевтике, академические журналы с псевдонаучным метафизическим вздором, представители научной элиты, не видящие различия между необходимыми и достаточными условиями и пропагандирующие высосанные из пальца теории и фантазмагории лженауки — скорбный перечень скверных феноменов сегодняшнего дня науки в России.

Вся ответственность за нынешнее состояние Академии наук и науки в России лежит на нас, на тех, кто сегодня и составляет Россию. Понятно, что меры ответственности у аспиранта и академика разные. Аспиранту — аспирантова скудная толика, а академику — бонус, и чин, и ноша поболее. Меры-то разные, да ответственность — общая.

Главный резерв модернизации науки в России — ученые России. За деградацию науки в России в ответе и члены Российской академии наук, и ее рядовые сотрудники. Институты саморегуляции науки в России необходимо восстанавливать нам самим. Наивно пописывать начальству через прессу, просить большего уважения и финансирования, думать, что иностранные эксперты помогут изжить эгоизм, конформизм, лизоблюдство, жадность, стремление порадовать родному человечку и получить более жирный кусок бюджетного пирога.

Начать надо с наведения элементарного порядка в науке и образовании. Жить по совести, не прогибаться перед властями, не кривляться в эфире, не помалкивать во властных кабинетах и не потакать антинаучным общественным тенденциям. Помнить, что наука — душа и цитадель свободы. Защищать истину, а не собственные мундиры, теплые места и недостойных соратников по корпорации. Делать дело, работать для науки, передавать знания и писать для людей.

МНОГОМЕРНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

1: Наука — важнейший компонент мировоззрения человека, а совесть — центральный элемент его внутренней духовной структуры.

2: Мировоззрение — феномен индивидуальный. На мир каждый смотрит самостоятельно. Многое из того, что человек видит, он воспринимает в языке. Научные понятия — важнейшие элементы любого мирового языка и, стало быть, часть мировоззрения каждого из нас.

3: Наука признает безусловное право человека придерживаться собственных взглядов и выражать свое мнение, право искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи. В то же время наука защищает свободу и независимость человека от произвола, глупости, догматизма и лжи, опираясь не на предвзятые суждения, верования, авторитеты и традиции, а на факты, эксперименты и логику.

4: Наука общедоступна и доказательна, ненавязчива и уважительна к человеку. Основываясь на знаниях, наука признает их человеческую природу, неизбежные ограниченность и неполноту. Наука чужда любым формам индоктринации, избранничества и абсурда, внушения, давления и запугивания. Научные убеждения человек принимает абсолютно свободно и совершенно сознательно. Наука — подвиг сомневающегося, свободного и разумного человека.

5: Наука открыта для критики и перемен, всегда отказывается от неверных теорий и ошибочных представлений. Наука уважает и авторитет древних текстов, и вековые традиции, и человеческие слабости, и людские доблести. При этом любые свои суждения наука строит на объективности, стремясь избавить человека от опасностей субъективизма и коллективизма. Объективность и человечность — источники нравственности научного мировоззрения.

6: Наука не разделяет, а соединяет людей. Ищущий и нашедший истину человек — вот источник и цель науки. Наука помогает преодолевать тяготы жизни, показывает границы человеческих знаний и умений, раскрывает необъятность неведомого и раздвигает пределы разума.

7: Распространено красивое рассуждение о взаимной невыводимости морали и науки — наука излагается в изъявительном наклонении («это так, а не иначе»), а мораль декларируется в повелительном наклонении («делай так, а не иначе»). Не следует абсолютизировать это наблюдение.

8: Наука есть система знаний и основанных на них представлениях о материальном и идеальном мирах. Знания как приближения к истине, включают в себя и факты, и методы, и гипотезы, и оценки. Методы — это инструкции, использующие повелительное наклонение.

9: Человек отвечает перед другими и перед собой. Ответственность — элемент мировоззрения человека: «Мир — это мой мир, и за свой мир отвечаю». Ответственность перед собой — это совесть, то есть стыд, направленный на самого себя. Недаром про негодяев говорят: без стыда и без совести. Наличие или отсутствие совести никак не связано с ответственностью перед другими. Немало отбывших наказание по суду остаются людьми совершенно безответственными. История хранит горы сведений о начисто лишенных совести фараонах, василевсах, генсеках и президентах.

10: Совесть — индивидуальный регулятор, а мораль — общественный. Понятно, что мораль без совести и совесть вне морали в человеческой популяции невозможны. Существующие здесь аспекты различий не столь важны.

11: Свобода совести — право человека отвечать перед собой за свое мировоззрение. Свобода науки и свобода совести суть проявления сущности человека.

12: Здравый смысл есть общая способность людей мгновенно отличать добро от зла. Эта способность неотделима от совести. При этом совесть персонифицирована, а здравый смысл — атрибут популяции. Констатация всегда выражается в изъяснительном наклонении. Однако простая фраза «это хорошо» не совпадает с императивом «делай так же».

13: Наука не прививает нравственность, а совесть не приближает нас к истине. Хорошим и плохим ученым и человеком можно стать по очень разнообразным обстоятельствам. Совесть легко растратить или потерять. Совесть требует не раболепия и конформизма, а преданности истине и самокритичности.

14: Совесть обязывает нас искать доказательства вопреки симпатии, дружбе, ненависти или неприязни. Совесть заставляет нас отстаивать истину и противостоять деградации, мистицизму и лженауке. Совесть делает нас умнее и лучше.

15: Наука оберегает нас от глупостей и гадостей, требуя объективности и доказательности суждений, предохраняет от эмоций и предрассудков при принятии решений. Наука делает человека добрее, расширяя границы здравого смысла и калибруя его совесть.

16: Наука дает силу знания, а совесть — моральный авторитет. Единственный приоритет науки — истина. Ориентиры совести — порядочность и доброта.

17: Наука требует знать и героев, и гениев, и негодяев, и обскурантов. Помнить о неизбежной потере совести теми, кто лижет вертикаль у власти. Чины и звания ни вклада в науку, ни образованности не добавляют ни йоты. Просвещение — от слова свет. Наука — от слова ум. Ум предполагает критичность, а совесть — ее главный инструмент. Ренегаты науки и просвещения ненавидят свет, ум и совесть глубоко и страстно, наслаждаясь воспрепятствием таланту и распространением невежества.

18: Гадости прошлого — опора негодяев сегодняшних и надежда негодяев будущего. Не обязательно быть антисемитом, расистом, доносчиком или предателем, чтобы стать негодяем. Необходимо заглушить совесть, чтобы использовать мерзости для достижения своекорыстных целей.

19: Было то, что было. Будет то, что будет, и есть то, что есть. Эта классическая констатация безупречна, но не полна. Прошлое — зона ответственности. Будущее — поле возможностей. Настоящее — арена поступков. Мы отвечаем за прошлое и отбираем варианты будущего сейчас. Как мы относимся друг к другу, в таких отношениях мы и состоим. Наши средства лимитируют выбранные цели и могут вести как к ним, так и в сторону. Изменить прошлое нельзя. Можно исправить некоторые ошибки. Можно искупить часть вины. Можно стать лучше. Надо делать не то, что всегда, а то, что должно. Поступать не так, как всегда, а как следует.

20: Наука и совесть — разные измерения многомерного мира человека.

Кутателадзе Семён Самсонович

НАУКА НА ПЕРЕПУТЬЕ

Препринт № 240

Ответственный за выпуск
А. Е. Гутман

Подписано в печать 9.03.10. Формат 60 × 84^{1/8}.
Усл. печ. л. 1,8. Уч.-изд. л. 1,6. Тираж 75 экз. Заказ № 12.

Отпечатано в ООО «Омега Принт»
пр. Академика Лаврентьева, 6, 630090 Новосибирск